

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Маркиза де-Кондорсэ.

Какъ разъ напротивъ Тюильери, на другомъ берегу Сены, неподалеку отъ роялистскаго салона мадамъ де-Ламбалль, находился другой салонъ, принадлежавшій де-Кондорсэ, который современники прозвали очагомъ республики.

Кондорсэ послѣдній изъ философовъ восемнадцатаго столѣтія, пережившій всѣхъ своихъ товарищей для того, чтобы увидѣть, какъ, точно вѣтромъ, развѣяны были ихъ теоріи, былъ секретаремъ академіи наукъ, послѣдователь д'Аламбера, послѣдній корреспондентъ Вольтера, другъ Тюрго.

Его салонъ былъ естественнымъ центромъ всей мыслящей Европы. Всѣ націи и всѣ науки имѣли тамъ своихъ представителей. Его жена Софія, урожденная де-Груши, ранѣе была канониссой, затѣмъ вдохновенной ученицей Руссо и приверженицей революціи. Разставшись съ своимъ полудуховнымъ положеніемъ, она заняла первое мѣсто въ салонѣ, въ которомъ царило вольнодумство.

Воспитавшись въ благородной, сердечной и образованной средѣ, Софія де-Груши провела веселую, жизнерадостную молодость и была любимицей и гордостью своей семьи. Она имѣла красивый станъ, умное, плутоватое и, въ то же время, какое-то особенно привлека-

тельное лицо, рѣзко очерченныя брови — признакъ твердой воли, большіе черные глаза, заостренный носъ, всегда привѣтливо улыбающійся ротъ. Она отзывалась только на благородныя стремленія и сама была какъ нѣжный цвѣтокъ, распустившійся на благопріятной почвѣ. Ея мать, благородная женщина, умѣвшая облегчить нужду и горе, не возбуждая у бѣдныхъ сознанія оказываемаго имъ благодѣянія, всегда брала съ собою Софію, когда шла знакомиться съ тяжелымъ положеніемъ бѣдныхъ и помогать имъ.

Когда однажды зима была очень сурова, она, вмѣстѣ съ Софіей и другими дѣтьми, отправилась въ лѣсъ собирать хворостъ, чтобы затѣмъ раздать его немущимъ. Онѣ пекли хлѣбъ для окрестныхъ бѣдныхъ и варили бульонъ для больныхъ. Все это происходило въ такихъ большихъ размѣрахъ, стоило имъ такъ много труда и времени, что совсѣмъ не походило на то благодѣяніе богачей, которое они совершаютъ ради развлеченія, и въ то же время ихъ доброе дѣло не имѣло никакого оттѣнка благотворительности. Онѣ недовольствовались только раздачей припасовъ, но старались утѣшать людей, подавать совѣты, щадя однако ихъ человѣческое достоинство. Впечатлѣніе отъ такой дѣятельности осталось у Софіи на всю жизнь. Даже много лѣтъ спустя она писала своей матери, какъ она ей благодарна, что та научила ее облегчать нужду, бѣдность и болѣзни и съ какимъ пріятнымъ чувствомъ она испытывала счастье отъ взглядовъ благодарности за любовь и служеніе людямъ.

Во Франціи, ко времени возникновенія революціи, существовало много аристократическихъ женскихъ монастырей. Было въ обычаѣ для благородныхъ молодыхъ дѣвицъ проводить тамъ извѣстное время для продолженія образованія или подготовки къ монашескому званію.

Пребываніе въ такомъ учрежденіи Софія находила

для себя очень скучнымъ и съ ней неоднократно случались тамъ даже припадки меланхоліи въ виду мрачной монастырской жизни, не похожей на свободную, независимую жизнь въ деревнѣ. Съ какой радостью она возвратилась домой, но, въ то же время, какая перемѣна произошла въ ней за эти 20 мѣсяцевъ!

Передъ отъѣздомъ въ женскій монастырь въ Невиллѣ, она читала лишь книги священнаго писанія; по своему же возвращеніи оттуда она стала невѣрующей и ея любимыми писателями были Вольтеръ и Руссо! Она утратила вѣру въ Бога, не видя въ мірѣ ничего кромѣ несчастья и нужды.

Вмѣстѣ съ своими родителями Софія посѣтила Парижъ, гдѣ, въ одномъ изъ салоновъ, познакомилась съ Кондорсэ. Приглашенный родителями въ ихъ имѣніе Виллеттъ, и проведя въ немъ нѣсколько недѣль, онъ былъ очарованъ красотой и умомъ Софіи и удивлялся благородству ея характера, ея здравому смыслу и силѣ воли.

Софія и Кондорсэ имѣли много общихъ мыслей и склонностей. Оба были великодушны и большіе энтузіасты, но онъ, какъ философъ, позналъ это ранѣе нежели молодая дѣвушка. Увлеченный ея прелестями и дарованіями, онъ просилъ ея руки, которая и была ему съ радостью обѣщана.

Въ обществѣ удивлялись этому браку; Кондорсэ было 43, а Софіи только 22 года. Но красота, привлекательность и умъ Софіи побѣдили всѣ предрасудки. Такъ, напримѣръ, мать Ларошъ-Фуко, познакомившись съ Софіей, сказала Кондорсэ: „Мы вамъ прощаемъ“. Кондорсэ былъ до такой степени увлеченъ въ своей страсти, что отказывался отъ какого бы то ни было приданаго, и, 28 декабря 1786 года, состоялось ихъ вѣнчаніе въ замкѣ Виллеттъ.

Супружеская чета поселилась въ отелѣ де-Моннэ на набережной Конти. Это былъ домъ, принадлежавшій его

родителямъ и въ которомъ онъ родился. Молодая женщина нѣсколько лѣтъ подрядъ руководила послѣднимъ салономъ представителей умственнаго движенія во Франціи, вовлекая робкаго, недовѣрчиваго и нелюдимаго Кондорсэ въ потокъ общественной жизни, благодаря чему онъ преодолѣлъ свои слабости.

Знаменитые единомышленники, пріѣзжая въ Парижъ, спѣшили добиться чести быть представленными Кондорсэ и его женѣ. Еслибъ даже не пробилъ роковой часъ 1789 года, революція получила уже свое начало въ умахъ и событіяхъ. Софія приняла большое участіе въ движеніи и побуждала Кондорсэ къ нападкамъ на устарѣвшіе обычаи въ обществѣ. Она довела его даже до того, что онъ, ученый, секретарь академіи наукъ, со всѣмъ своимъ вліяніемъ, занялъ выдающееся мѣсто въ рѣшеніи всѣхъ политическихъ вопросовъ. Его взгляды на вещи вызывали у многихъ особое безпокойство и желаніе проникнуть въ его сокровенныя мысли.

Въ началѣ 1786 года нѣкоторые любители искусствъ, между которыми были графъ д'Артуа, Монторенъ и Монтескье, основали на углу улицъ Сентъ-Онорэ и Валуа, литературный и ученый кружокъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Лицея. Лагарпъ и Кондорсэ были выдающимися въ немъ преподавателями. Лекціи Лагарпа были замѣчательны и вскорѣ же получили такое направленіе, что развили революціонное воодушевленіе.

Гарать и Мармонтель преподавали исторію, Кондорсэ и Лакруа математику, де-Парсіэ физику, и вскорѣ Лицей пріобрѣлъ громадное значеніе, насчитывая свыше 700 слушателей, между которыми было много придворныхъ и знатныхъ дамъ. Кромѣ этого избраннаго дамскаго общества, въ Лицей поступили слушателями и всѣ выдающіяся своей умственной дѣятельностью лица.

Софія де-Кондорсэ была самой акуратной и замѣтной изъ числа молодыхъ слушательницъ. Она присутство-

вала также на вступительной лекціи своего мужа, которая начиналась слѣдующими словами: „Всѣ притязанія „арождаются у человѣка одинаково какъ отъ его собственнаго невѣжества, такъ и отъ еще большаго невѣжества тѣхъ, на которыхъ онъ свои притязанія распространяетъ“.

Кондорсэ не являлся во всесословномъ собраніи, но мѣсто, которое онъ занималъ, его связи въ философскомъ мірѣ, извѣстные всей ученой Европѣ труды его, все это привело къ тому, что онъ занялъ видное положеніе въ томъ всеобщемъ движеніи, которое охватило всѣ умы. Новымъ идеямъ онъ служилъ сотрудничая въ „Journal de Paris“ и „La Feuille villageoise“ *).

Но его собственный домъ главнымъ образомъ поддерживалъ его замѣтное вліяніе, такъ какъ въ немъ сосредоточивался живѣйшій обмѣнъ политическихъ мыслей.

Чувствовалось, что мадамъ де-Кондорсэ скоро же перейдетъ отъ робкихъ попытокъ преобразованій къ настоящимъ великодушнымъ подвигамъ, къ которымъ она стремилась всѣмъ существомъ своимъ. И дѣйствительно, вліяніе мадамъ де-Кондорсэ, какъ во время законодательнаго собранія, такъ и въ первые мѣсяцы дѣйствій національнаго Конвента, достигло громаднхъ размѣровъ.

Даже родственники Софіи раздѣляли ея политическія убѣжденія; старый маркизъ де-Груши согласился на избраніе въ счетчики выборщиковъ полноправныхъ сельскихъ гражданъ. Это была трудная и неблагодарная задача, не дававшая ни особаго почета, ни вознагражденія. Но она, все-таки, влекла къ занятію политическими дѣлами, а въ ту эпоху всеобщаго увлеченія и мечтаній казалась завиднымъ порученіемъ.

Попытка Людовика XVI къ бѣгству въ Вареннъ и

его арестъ вызвали въ Кондорсэ значительную перемену взглядовъ. Онъ тотчасъ же открыто высказался за республику и отказался отъ должности государственнаго казначея.

Въ списокѣ учителей, которыхъ предназначали для королевскихъ принцевъ, значилось и имя Кондорсэ, но безъ его вѣдома. Мадамъ де-Кондорсэ было предложено занять должность гувернантки, а ея мужу перваго гофмейстера принцевъ. Оба отклонили предложеніе въ одинаковыхъ выраженіяхъ, хотя они и не сговаривались по этому поводу. Кондорсэ и его жена постоянно отказывались появляться при дворѣ; съ другой стороны, благодаря ихъ свободолюбивымъ взглядамъ, доступъ въ нѣкоторые салоны былъ закрытъ для нихъ. Общество 1789 года не могло простить имъ ихъ республиканскихъ убѣжденій. Малербъ однажды сказалъ: „Еслибъ это было въ моей власти, то я лишилъ бы жизни Кондорсэ, не почувствовавъ при этомъ ни малѣйшихъ угрызений совѣсти“.

Кондорсэ сразу сдѣлался популярнымъ. Пять департаментовъ избрали его въ національный Конвентъ. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ расположеніе народа, тѣмъ ненавистнѣе становился своимъ товарищамъ по наукѣ. Академіи наукъ въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ вычеркнули его имя изъ списковъ своихъ членовъ. Несмотря на всѣ нападки, 1 октября 1791 года Кондорсэ былъ избранъ парижанами депутатомъ въ законодательное собраніе. На этомъ поприщѣ его ожидали важныя задачи; онъ редактировалъ заявленіе отъ 29 декабря, направленное противъ правительства, угрожавшаго Франціи; 20 апрѣля 1792 года, въ день объявленія войны Австріи, онъ представилъ законодательному собранію тотъ знаменитый отчетъ о политическомъ возстаніи, который навсегда укрѣпилъ за нимъ право на великую славу.

Благодаря его ходатайству, Дантонъ былъ объявленъ министромъ. Его ставленникъ извѣстенъ созваніемъ

* „Парижскій Журналъ“ и „Сельскій Листокъ“.

національнаго собранія и уничтоженіемъ королевскоѣ власти.

Еще 16 февраля 1793 года Кондорсэ имѣлъ большое вліяніе въ національномъ Конвентѣ. Предложенная имъ конституція, казалось, была принята благосклонно. 26 марта 1793 года онъ былъ избранъ членомъ Комитета общественнаго благосостоянія. Но событія приняли другое направленіе. Дни 31 мая и 2 іюня, противъ которыхъ онъ возставалъ, закрыли передъ нимъ двери національнаго Конвента. Онъ еще разъ хотѣлъ защитить свое предложеніе новой конституціи, написавъ „Воззваніе къ французскимъ гражданамъ для одобренія моего предложенія новой конституціи“, но этимъ только помогъ рѣшенію своей участи.

Нѣкоторое время Кондорсэ еще не беспокоили, но онъ чувствовалъ уже надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ опасности. 30 іюня 1793 года Кондорсэ былъ изгнанъ, но еще 31 мая 1793 года онъ подѣлился со своимъ другомъ Жаномъ Дебри ядомъ, въ доказательство ихъ взаимной дружбы и для того, чтобы во всемъ, что можетъ случиться съ ними, остаться единственными распорядителями своей личности.

Дѣйствительно, 30 іюля 1793 года, по проискамъ Шабо, Кондорсэ былъ обвиненъ за свое предложеніе новой конституціи.

Въ его городской квартирѣ все было опечатано. Его другъ Ля-Рошъ, которому дано было это порученіе, не могъ помѣшать исполненію такой формальности, но онъ своевременно предупредилъ Кондорсэ, чтобы тотъ бѣжалъ. Въ первую ночь онъ нашелъ убѣжище у друзей, но вскорѣ же покинулъ ихъ, будучи принятъ Гаратомъ, который не задумался скрыть Кондорсэ даже въ министерскомъ дворцѣ.

Два молодыхъ доктора, Пинель и Бойе, друзья Кондорсэ, нашли для него уединенную квартиру въ улицѣ Могильщиковъ № 21, у нѣкоей госпожи Вернэ, вдовы

скульптора и родственницы знаменитаго художника. Они думали, что Кондорсэ будетъ тамъ въ безопасности отъ обысковъ и преслѣдованій.

Сначала скрывали отъ мадамъ Вернэ настоящее имя ея жильца; она спросила лишь, приличенъ и честенъ ли онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказала, что для нея этого достаточно и онъ можетъ приходить.

Тамъ Кондорсэ скрывался въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Госпожа Вернэ отказывалась отъ какого-либо вознагражденія, даже отъ подарковъ, за свое полное опасности гостепрѣимство. Въ этомъ добровольномъ заключеніи Кондорсэ работалъ по цѣлымъ днямъ. По вечерамъ онъ сходилъ въ квартирѣ госпожи Вернэ съ ея другими безобидными жильцами и мирно съ ними бесѣдовалъ.

3 октября 1793 года Кондорсэ былъ осужденъ заочно (in contumaciam), объявленъ внѣ покровительства законовъ и его имущество конфисковано.

Жена объявленнаго внѣ покровительства законовъ не смѣла переночевать въ Парижѣ. Мадамъ де-Кондорсэ два раза въ недѣлю, переодеваясь крестьянкой, приходила изъ Отейля въ Парижъ, и часто случалось, что она даже на нѣсколько мгновеній не могла улучшить свиданія съ мужемъ.

Чтобы пройти безпрепятственно въ Парижъ черезъ заставу, она дѣлала видъ, будто принадлежитъ къ толпѣ, тѣснившейся къ гильотинѣ, чтобы присутствовать при кровавыхъ зрѣлищахъ. Она присоединялась къ этому сброду и сопровождала его до Плясади Революціи, чтобы не быть заподозрѣнной.

Какъ она радовалась, когда условный знакъ извѣщалъ ее, что она можетъ безъ опасности притти къ мужу! Какъ старалась она утѣшать его, съ какою любовью заботилась о возможныхъ для него удобствахъ! Казалось, что въ одну ночь онъ сильно постарѣлъ и нуждался въ ея помощи.

Онъ напрягалъ всѣ свои силы для составленія оправдательной записки по поводу своихъ политическихъ дѣйствій. Замѣтивъ вскорѣ же, какъ онъ страдалъ при этомъ нравственно и физически, она заставила его отказаться отъ этой работы, и, напротивъ, поощряла къ сочиненію болѣе цѣннаго труда: „Наброски исторической картины развитія человѣческаго разума“.

Но работа не могла уже искоренить его печальныхъ мыслей, и мысль о смерти уже не покидала его. Онъ прервалъ и эту работу для сочиненія другихъ: „Мысли изгнанника“ и „Совѣты моей дочери“. Первая изъ нихъ въ сущности тоже была обращеніемъ къ дочери въ видѣ завѣщанія. Въ предисловіи къ нему онъ писалъ слѣдующее: „Въ какомъ бы положеніи ты ни находилась, когда будешь читать эти строки, которыя я пишу вдали отъ тебя, знай, что я равнодушенъ къ своей судьбѣ и озабоченъ только судьбой твоей и твоей матери. Въ каждый данный моментъ помни, что ничто не ручается за постоянство твоей судьбы. Привыкай къ труду, никогда не самообольщайся своими успѣхами, научись дѣлать добро; это чистѣйшее счастье, которымъ можетъ истинно наслаждаться человѣкъ“.

Кондорсэ сожалѣлъ о необходимости умереть только потому, что полагалъ быть еще полезнымъ, своей женѣ и дочери, и чувствовалъ, что онѣ его любятъ. Онъ писалъ имъ, что умираетъ какъ Сократъ за то, что служилъ своему отечеству.

Роковой часъ, въ ожиданіи котораго мѣсяцами томился Кондорсэ, приближался. 5 жерминаля II года (25 марта 1794 года) Кондорсэ узналъ, что на слѣдующій день въ домѣ госпожи Вернэ будетъ произведенъ обыскъ. Онъ рѣшилъ покинуть свое убѣжище и спрятаться гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Парижа. Когда онъ предупредилъ объ этомъ свою благодѣтельницу, и послѣдняя, пораженная этимъ, начала возражать, Кондорсэ сказалъ:

— Чѣмъ болѣе я удивляюсь вашему мужеству, тѣмъ болѣе мнѣ слѣдуетъ, какъ честному человѣку, предотвратить васъ отъ какой-либо опасности. Существуетъ законъ, по которому, предоставляя мнѣ убѣжище, вы также лишены покровительства законовъ. Еслибъ меня нашли у васъ, то вы подвергнулись бы одинаковой со мною печальной участи. Я не могу болѣе оставаться.

Но превосходная женщина отвѣтила, что національный Конвентъ, конечно, можетъ объявить ее внѣ покровительства законовъ, но не сдѣлать безчеловѣчной; ставить человѣка внѣ человѣчности онъ не имѣетъ права. Но рѣшеніе Кондорсэ было непоколебимо и, какъ онъ самъ говорилъ, онъ вынужденъ покинуть свое уютное пристанище, обращенное въ рай безграничнымъ самопожертвованіемъ его ангела-хранителя.

Онъ долженъ былъ употребить хитрость, чтобы ускользнуть отъ бдительности госпожи Вернэ. 25 марта 1794 года Кондорсэ, изъ находившейся въ верхнемъ этажѣ своей комнаты, пришелъ въ квартиру госпожи Вернэ въ нижнемъ этажѣ, и повелъ съ ней и другими присутствовавшими тамъ лицами, казалось, совершенно беззаботный разговоръ о безразличныхъ вещахъ. Потомъ онъ сталъ произносить латинскія выраженія, чтобы сдѣлать разговоръ неинтереснымъ для госпожи Вернэ и тѣмъ самымъ заставить ее удалиться изъ комнаты. Но, напрасно; она не уходила. Тогда онъ сказалъ, что забылъ табакерку въ своей комнатѣ. Услужливая, какъ всегда, госпожа Вернэ поспѣшила наверхъ, чтобы принести ее, и этимъ моментомъ воспользовался Кондорсэ, чтобы выйти на улицу. Онъ былъ одѣтъ въ рабочую блузу, имѣя на головѣ фуражку изъ грубой шерсти.

Присутствовавшіе погнались за нимъ, съ намѣреніемъ задержать его, служанка вскрикнула и зарыдала. Госпожа Вернэ, понявъ положеніе дѣла, упала въ об-

морокъ, не будучи такимъ образомъ въ состояніи послѣдовать за нимъ и употребить послѣднія усилія къ его задержанію.

Отъ госпожи Вернэ Кондорсэ направился къ одному изъ своихъ друзей, по имени Сьюаръ, который нѣкогда пользовался широкимъ гостепримствомъ въ домѣ Кондорсэ и вообще былъ ему многимъ обязанъ. Сьюаръ струсилъ и просилъ Кондорсэ притти ночью, назначивъ даже часъ, въ который бѣглець найдетъ дверь незапертою. Однако, когда явился Кондорсэ, дверь оказалась запертою! Онъ провелъ ночь въ каменоломняхъ Кламара и цѣлый день бродилъ по лѣсу. Обезсиленный усталостью и голодомъ, зашелъ онъ въ небольшую харчевню въ Кламарѣ, заказалъ яичницу и съ жадностью принялся за ѣду. Желая придать себѣ увѣренный видъ, онъ вытащилъ латинскую книгу и сталъ читать ее. Но книга и выхоленные руки не соотвѣтствовали его костюму и выдали его; у его стола сидѣли крестьяне, члены революціонной комиссіи Кламара. Кондорсэ показался имъ подозрительнымъ; предположивъ въ немъ врага республики, они задержали его. Онъ назвался Пьеромъ Симономъ. Но онъ не могъ ступить ни одного шага, такъ какъ, отъ непривычнаго и продолжительнаго блужданія по лѣсу, его ноги отекали и растерлись до крови. Его привязали къ измученной клячкѣ и повезли въ тюрьму Буръ-ля-Ренъ.

На слѣдующій день, въ четыре часа пополудни, тюремный смотритель нашелъ его мертвымъ на полу камеры. Онъ отравился.

Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ смерть Кондорсэ оставалась неизвѣстною. Его семья думала, что онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Тѣмъ временемъ, его имущество, какъ принадлежавшее эмигранту, было описано и продано.

Его жена была раззорена. Сначала она думала, уѣхать въ Виллеттъ, къ своему отцу, но вскорѣ оста-

вила это намѣреніе, считая своею обязанностью быть поближе къ изгнаннику.

Мадамъ де-Кондорсэ отпустила своихъ прислугъ и гувернантку дочери, принявъ на себя заботы о домашнемъ хозяйствѣ. На оставшіяся у нея деньги, она купила себѣ небольшое прачечное заведеніе и въ приказчики приняла брата секретаря своего мужа. По сосѣдству же она устроила небольшую мастерскую, въ которой сама занималась рисованіемъ миниатюръ для продажи. Часто рисовала она портреты съ изгнанниковъ въ ихъ убѣжищахъ, чтобы ихъ семействамъ оставалось по крайней мѣрѣ хоть такое воспоминаніе о несчастныхъ. Въ поискахъ своего мужа, она часто рисовала даромъ портреты тюремныхъ смотрителей, солдатъ и сторожей, чтобы расположить ихъ въ свою пользу и тѣмъ самымъ добиться входа въ тюрьмы. Безконечно долгіе часы она просиживала въ душевой, вонючей сторожевой комнатѣ, слушая циническія, грубыя шутки пьяныхъ сторожей, не давая имъ замѣтить, какое униженіе и оскорбленіе она чувствовала при этомъ. Грубые разговоры, возмущавшіе тогда ея слухъ, оставили въ ней на всю жизнь ужасное, болѣзненное воспоминаніе.

Но она нуждалась въ этихъ людяхъ, отъ милости которыхъ зависѣло ея посѣщеніе тюремъ, такъ какъ въ какойнибудь изъ нихъ она надѣялась открыть присутствіе своего мужа.

До 9 термидора она сама ежедневно подвергалась опасности быть арестованной. Ее часто навѣщали члены революціоннаго комитета и неоднократно производили обыски. Ей дали понять, чтобы она готовилась итти въ тюрьму; но ей еще разъ удалось выпутаться изъ этого опаснаго положенія, благодаря тому, что она нарисовала портреты всѣхъ членовъ комитета.

Когда, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, мадамъ де-Кондорсэ узнала о смерти своего мужа, ея горе было безгранично. Немногіе оставшіяся у ней друзья дѣлали все,

что были въ состояніи, для ея спасенія, но она предавалась мысли о смерти. Ни работа, ни бѣдность, ни даже воспитаніе дочери не могли отвлечь ее отъ удрученнаго состоянія, хотя она, даже на самое короткое время, не покидала своей дочери и ни кому не довѣряла ея воспитанія.

Послѣ того какъ мадамъ де-Кондорсэ удалось матеріально обезпечить будущее своей дочери, она отдалась одной цѣли: воспитать ее такимъ образомъ, чтобы она оказалась достойной носить свое имя и сдѣлалась бы такой, какою ее хотѣлъ видѣть отецъ, еслибъ онъ былъ живъ.

То, что она испытала съ 1793 по 1794 годъ, сильно разстроило ея здоровье. Объ этомъ она никогда не могла говорить безъ особаго душевнаго волненія.

Наконецъ, въ январѣ 1795 года, она получила обратно часть своего имущества; но его не хватало на содержаніе, и она должна была усердно работать, чтобы возмѣщать недостающее.

Въ предисловіи къ книгѣ Кондорсэ „Наброски исторической картины развитія человѣческаго разума“, мадамъ де-Кондорсэ написала слѣдующее: „Опальный Кондорсэ нѣкоторое время думалъ представить своимъ согражданамъ изложеніе своихъ убѣжденій и поступковъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, но онъ написалъ всего лишь нѣсколько строкъ. Онъ хотѣлъ возстановить свою тридцатилѣтнюю полезную работу и то громадное количество сочиненій, въ которыхъ онъ со времени революціи безпрестанно нападалъ на учрежденія, враждебныя свободѣ. Но, въ виду всѣхъ этихъ ясныхъ доказательствъ его честности, онъ отказался отъ излишняго оправданія“.

„Еслибъ этотъ печальный примѣръ погибшаго для отечества таланта, для дѣла свободы и развитія человѣческой мудрости, могъ вызвать истинное сожалѣніе, ко благу общественности! Еслибъ эта смерть, являю-

щаяся поводомъ для извѣстной характеристики этой эпохи въ исторіи, могла внушить непоколебимое уваженіе къ праву, нарушеніе котораго и привело къ этой смерти!“

„Это было бы единственнымъ вознагражденіемъ, достойнымъ мудреца, который передъ лицомъ смерти спокойно размышлялъ объ улучшеніи положенія своихъ ближнихъ, и единственнымъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто былъ предметомъ его любви и кто вполнѣ сознавалъ его добродѣтель“.

Исподволь удалось мадамъ де-Кондорсэ опять вступить во владѣніе своимъ имуществомъ.

Въ 1795 году посѣтилъ ее Наполеонъ I, называвшійся тогда еще генераломъ Бонапарте.

— Я не люблю, чтобы женщины вмѣшивались въ политику,—какъ то сказалъ онъ ей между прочимъ.

— Вы правы, генераль,— остроумно отвѣтила ему мадамъ де-Кондорсэ;—но, въ странѣ, гдѣ имъ отрубаютъ головы, понятно, для нихъ весьма важно знать, вслѣдствіе чего это происходитъ.

Два раза еще воспыдало страстью сердце этой превосходной женщины; къ сожалѣнію, только, оба мужа не могли оцѣнить счастья быть ею любимыми. Первый былъ народный ораторъ Малья-Гаратъ, второй Форіэль, бывший полицейскій чиновникъ при Фушэ. Существуютъ письма мадамъ де-Кондорсэ къ обоимъ этимъ мужьямъ; въ этихъ письмахъ ясно проглядываетъ ея страсть, но въ то же время видна ея постоянная забота о томъ, чтобы дѣлать пріятное своимъ возлюбленнымъ, а свою личность и свои желанія удалять на задній планъ. Съ Форіэлемъ она вступила въ такую связь, которая допускалась въ XVIII столѣтіи, не подвергаясь никакому осужденію. Такого рода связи разсматривались какъ морганатическій бракъ.

Малья-Гаратъ, еще во время своей связи съ мадамъ де-Кондорсэ, познакомился съ мадамъ Куаньи, той са-

мой, которую Андро Шенье увѣковѣчилъ подъ именемъ „Jeanne Captive“ („плѣненная Жанна“). Малья-Гарать влюбился въ нее и ради нея покинулъ мадамъ де-Кондорсэ. Несмотря на это, мадамъ де-Кондорсэ оставалась для него вѣрной подругой и просила его помнить, что ея дружба для него навсегда обезпечена.

Какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ она всегда показывала, что была женщиной, стоящей выше многихъ тысячъ такихъ же женщинъ, не знала мелкой чувствительности и была далека отъ того, чтобы оскорбляться при незначительныхъ поводахъ. Она дошла даже до того, что дружески обращалась съ мадамъ де-Куаньи, нисколько не притворяясь.

Когда она, годъ спустя послѣ разлуки съ Малья-Гаратомъ, познакомилась съ Форіэлемъ, она надѣялась вновь пріобрѣсти счастье, такъ грубо нарушенное первымъ.

Но и въ этомъ человѣкѣ она обманулась. Когда она умерла, то онъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ окружавшихъ ее, былъ огорченъ ея смертью. Она дарила ему свою любовь, ей онъ былъ обязанъ удобствами своего существованія; но, перваго онъ не умѣлъ цѣнить, къ другому же такъ привыкъ, что даже забылъ, кому именно онъ былъ этимъ обязанъ! Объ утратѣ ея онъ недолго печалился. Когда онъ умеръ, въ его духовномъ завѣщаніи ни слова не было упомянуто ни о дочери мадамъ де-Кондорсэ, ни о ея внукахъ, и на память о себѣ онъ ничего имъ не оставилъ. Неблагодарность Форіэля есть одинъ изъ печальныхъ примѣровъ человѣческихъ слабостей. Но это касается только его самого, тогда какъ память о мадамъ де-Кондорсэ останется у всѣхъ навѣки!

Последніе годы своей жизни мадамъ де-Кондорсэ провела въ благодѣяніяхъ и уходѣ за бѣдными больными.

Она умерла 8 октября 1822 года и въ ея завѣщаніи

было выражено пожеланіе быть похороненной въ рядѣ для бѣдныхъ на кладбищѣ Перъ-Лашезъ, безъ какихъ-либо торжественныхъ церемоній, самымъ скромнымъ образомъ.

Съ нею покончилъ существованіе одинъ изъ тѣхъ вѣчно красивыхъ, дорогихъ, милыхъ, нѣжныхъ, неуловимыхъ образовъ, которые обладаютъ преимуществомъ во всѣ времена привлекать къ себѣ истинную любовь человѣчества.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ ея „Писемъ о симпатіи“ *), посвященныхъ ея другу Кабанису **).

„Мой милый Кабанисъ, мнѣ кажется, что человѣкъ не можетъ имѣть болѣе интереснаго предмета для изученія, какъ изученіе человѣка же. Имѣется ли въ дѣйствительности другое болѣе пріятное, болѣе удовлетворяющее насъ занятіе, какъ управлять движеніями нашей души, изучать ея волненія и отмѣчать ихъ, пользоваться нашими способностями для того, чтобы наблюдать за собой и другъ за другомъ, доискиваться неуловимыхъ и скрытыхъ законовъ, по которымъ дѣйствуютъ нашъ разумъ и наше чувство. Мнѣ кажется также, что частое обращеніе къ самому себѣ составляетъ пріятную и разумную жизнь; это можетъ усилить радости

*) Сочиненіе это написано Софіей де-Кондорсэ на англійскомъ языкѣ и называется такъ: „Theory of moral sentiments“. Кромѣ того, ею написано было еще нѣсколько другихъ сочиненій.

К. В.

***) *Пьеръ Жанъ Жоржъ Кабанисъ*, извѣстный врачъ и профессоръ медицины. Самъ авторъ замѣчательнаго сочиненія о человѣческой нравственности, изданнаго въ Парижѣ въ 1802 году: „Traité du physique et du moral de l'homme“.

К. В.

живыми и глубокими чувствами и присоединить къ нимъ мудрость и философію“.

„Школа страданій и непріятныхъ ощущеній очень дѣйствительна для пробужденія въ людяхъ состраданія и человѣчности. Какъ нужна была бы вамъ, вы, богачи и власть имѣющіе, эта школа вамъ, которые столь далеки даже отъ мысли о бѣдности и несчастіи, благодаря вашему неисчерпаемому богатству, честолюбію и сознанію вашего могущества“.

„Вы видите, мой милый Кабанись, что если природа и окружила насъ многочисленными страданіями, она всетаки извѣстнымъ образомъ и вознаграждаетъ насъ, возвращая наши страданія въ тотъ глубокій источникъ, откуда мы черпаемъ и наши удовольствія. Благословимъ же ту возвышенную связь, которая находится между нравственною потребностью однихъ и физической потребностью другихъ, между несчастіемъ, которому мы подвержены отъ природы и вслѣдствіе нашихъ пороковъ, и между склонностями къ добродѣтели, которая только тогда дастъ ощущение счастья, когда явится для кого-нибудь настоящей помощью“.

„Радость жизни можно находить только въ благодареніи, въ вѣрности и добротѣ, и когда этимъ способомъ своимъ домашнимъ богамъ даютъ убѣжище и заставляютъ людей съ восторгомъ чувствовать ихъ собственное существованіе“.

„Тайныя и утѣшающія радости суть тѣ, которыя связаны съ миромъ и съ скрытой добродѣтелью. Истинныя и трогательныя радости не должны покидать сердца, котораго онѣ однажды коснулись. Горе тому, кто васъ презираетъ и отвергаетъ! Горе тѣмъ, чей тираннической жезль тщеславія удаляетъ васъ отъ себя! Въ особенности, горе тому полу, который на короткое время осыпанъ природой блестящими дарами, но для котораго

она же является затѣмъ и злой мачехой, если онъ пренебрежетъ вами или не почтитъ васъ! Ибо съ вами долженъ человѣкъ провести половину своей жизни и, если можно, забыть ту заколдованную чашу, которую рука времени опрокидываетъ посреди его жизненнаго пути!“